

На правах рукописи

ГОЛОВКИНА Оксана Анатольевна

**ИСТОРИЯ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» на кафедре общего языкознания

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и прикладного языкознания ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

Григорьев Андрей Владимирович

Официальные оппоненты:

Белов Алексей Михайлович

доктор филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Альбрехт Фёдор Борисович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории языка НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2015 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Священное Писание – Книга Книг, колоссальное значение которой сложно переоценить, это мощный импульс духовному развитию и сознанию как отдельно взятой личности, так и целых народов, знаковая точка отсчёта письменной культуры, первоисточник, обращение к которому в той или иной степени просто неизбежно. Европейская литература пропитана аллюзиями и реминисценциями из Священного Писания, в ней очень высока концентрация библейского языкового материала, поэтому интерес учёных к рассмотрению библейских устойчивых выражений с совершенно разных аспектов оказывается абсолютно оправданным и закономерным, а подобные исследования имеют несомненную актуальность.

В отечественной традиции библейская фразеология изучается с трёх основных позиций: функционирование выражений, восходящих к Священному Писанию в художественной и общественно-политической литературе и в современной речи (П.Д. Филкова, Н.А. Мещерский, Е.Л. Ковалич, С.Л. Андреева, А.С. Начисчионе, Ю.А. Киссел и т.д.), этимология отдельных библейских выражений (З.И. Семёнова, А.М. Бабкин, Ю.А. Гвоздарёв, И. Гурии, А.В. Григорьев и т.д.), сопоставительное изучение библеизмов в славянских и западноевропейских языках (В.Г. Гак, Е.Н. Бетехтина, В.М. Мокиенко, Е.Ф. Арсентьева, А.О. Жолобова, Э.Н. Яковлева, В.А. Мендельсон, А.В. Абдуллина, И.В. Кузнецова, Х. Вальтер, П. Фойту, D. Baláková, V. Kováčová и т.д.).

В английском языкознании библеизмы начинают исследоваться в ключе этимологии с конца XIX в. основополагающей в данном направлении считается труд С. Стоффела – «Scriptural Phrases and Allusions in Modern English».¹ Среди значимых работ XX в. следует отметить исследования Л.П. Смита «Words and idioms. Studies in the English language»² и Лютера А. Уэйгла

¹ Stoffel, C. Studies in English, written and spoken / C. Stoffel. – 1894.

² Smith, L. P. Words and idioms. Studies in the English language / L. P. Smith. – London, 1948.

«Bible words in living language»³, посвящённое толкованию слов и выражений из Священного Писания, не понятных современному читателю. Этимологический материал по библейской лексике и фразеологии также содержится в таких специализированных словарях как «The Oxford Companion to the Bible» (1993), «The Dictionary of Classical Biblical and Literary Allusions» (1988), «Dictionary of words and idioms associated with Judas Iscariot» (1942) и др. Ещё одним перспективным направлением в изучении английских библеизмов являются исследования в области влияния Библии на творчество известных английских и американских писателей. Среди подобных трудов выделим работы, основанные на богатом фактическом материале – «A Dictionary of Biblical Tradition in English Literature» Д. Джеффри⁴ и «Words with Power» Н. Фрай⁵.

В фокусе современных исследований в области сопоставления библеизмов нескольких языков находятся следующие проблемы: определение характера соотношения библейских фразеологизмов с текстом Библии, эквивалентность библейских фразеологизмов нескольких языков, сопоставление грамматической и семантической структуры библеизмов сравниваемых языков, выявление лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих расхождения в плане выражения и содержания отдельных устойчивых оборотов в сравниваемых языках, изучение особенностей функционирования библеизмов и тенденций в динамике библейской фразеологии сопоставляемых языков, исследование фразеологической компетенции на материале нескольких языков. В целом данные работы концентрируют своё внимание на рассмотрении библейских фразеологических единиц в синхронно-сопоставительном аспекте, в то время как диахронный, исторический принцип анализа материала не выступает приоритетным, а выполняет скорее второстепенную роль.

---

³ Weigle, L. A. Bible words in living language / L. A. Weigle. – 1957.

⁴ Jefferey, D. L. A Dictionary of Biblical Tradition in English Literature / D. L. Jefferey. – Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1992.

⁵ Frye, N. Words with Power (being a second study of the Bible and literature) / N. Frye. – San Diego, 1990.

Однако, для системного представления таких процессов в языке как формирование корпуса библейской фразеологии в целом, а также закрепление отдельных библейских выражений в языке и развитие их метафорических значений необходимо обратиться к установлению и анализу источников проникновения библейских оборотов в язык. Исследования подобного рода в современной науке крайне малочисленны, среди них необходимо отметить работы Е.Н. Бетехтиной⁶, А.К. Бириха и Й. Матешича⁷, А.В. Григорьева⁸.

Исследования А.Н. Бириха и Й. Матешича (на базе русских библеизмов), Е.Н. Бетехтиной (на основе библейских фразеологизмов в русском и английском языках) находятся в русле этимологии. При этом данные авторы указывают источники заимствования выражений, применяя данные сведения для описания истории библейских оборотов.

А. В. Григорьев исследует русскую библейскую фразеологию как с точки зрения этимологии, так и с позиции лингвистического источниковедения, анализируя источники со стороны их лингвистической содержательности («совокупность заключённых в источнике лингвистических данных, предопределяемая его содержанием и его отнесённостью к тому или иному языку или диалекту»)⁹.

Изучая источники по истории фразеологии, исследователь сначала отбирает материал, а затем даёт его лингвистический анализ. Таким образом, основой изучения фразеологии становится исследование источников определённого времени, что позволяет проследить происхождение и динамику явлений. Важной представляется проблема выявления источников, повлиявших на формирование рассматриваемых фразеологических единиц.

---

⁶Бетехтина, Е.Н. Фразеологизмы с библейскими именами (в русском и английском языках) / Е.Н. Бетехтина. – Спб, 1999.

⁷Бирих, А., Матешич, Й. Из истории русских библейских выражений / А. Бирих, Й. Матешич // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 5-6. – С. 41-47.

⁸Григорьев, А.В. История источниковедения русской библейской фразеологии: дис. д-ра филол. наук: 10.02.01. / Григорьев Андрей Владимирович – М., 2009.

⁹Котков, С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С.И. Котков – М.: Наука, 1980. – С. 10.

Обращаясь к изучению и описанию истории библейских выражений, А.В. Григорьев привлекает и анализирует древнерусские тексты-источники XI-XIV вв., непосредственно повлиявшие на формирование, закрепление и распространение библеизмов в русском языке, а именно – переводные и оригинальные славянские экзегетические и толковые произведения, богослужебную литературу и др.

При этом остаются источники, не привлеченные в данных исследованиях для изучения происхождения библеизмов; их необходимо выявить и изучить в аспекте источниковедения библейской фразеологии. При этом, на наш взгляд, для того чтобы картина была более полной в рамках данной кандидатской диссертации, необходимо сконцентрировать свое внимание не на всей Библии, а на ее первой части, наименее изученной в данном аспекте, – Ветхом Завете.

Предпринятый нами в работе пристальный анализ процессов формирования корпуса ветхозаветной фразеологии в русском и английском языках, во-первых, дал возможность прояснить вопрос, чем объясняется различие в объеме и составе систем ветхозаветных выражений в русском и английском языках. Во-вторых, он позволил выявить два малоизученных аспекта, которые рассмотрены в нашей работе.

Первый – это влияние на формирование системы ветхозаветных выражений текстов средневековых мистерий (Честерский, Уэкфилдский (Таунлийский) и Йоркский циклы) применительно к английскому материалу и текстов «школьных» драм (конец XVII в. – начала XVIII вв.) – применительно к русскому. Для того чтобы отследить дальнейшее влияние поэтико-драматической традиции на закрепление библеизмов в английском языке, нами рассмотрены пьесы Кристофера Марло и Уильяма Шекспира (конец XVI – первая четверть XVII вв.); здесь обозначается и второй аспект исследования: влияние на формирование системы библейских выражений не анонимной, а «авторской литературы». Изучение данного вопроса на примере анализа оригинальных русских сочинений Илариона Киевского, Кирилла Туровского, Климента Смолятича, Луки Жидяты и др. рассматривалась А.В. Григорьевым.

Представляет интерес установить, какую же роль выполняют ветхозаветные выражения в оригинальных сочинениях русских авторов XV-XVIII вв. веков. Таким образом, к исследованию могут быть привлечены тексты Ивана Грозного, протопопа Аввакума, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, И.Ф. Богдановича, М.М. Хераскова и др.

Итак, **объектом** данного исследования является ветхозаветная фразеология в указанных английских и русских источниках.

В фокусе данной работы находятся фразеологизмы библейского происхождения, которые представляют собой выражения, характеризующиеся связью с указанным источником, устойчивым компонентным составом (не исключающим вариативности), стабильностью закреплённой за фразеологической единицей семантики, отдельнооформленностью и воспроизводимостью.¹⁰ Однако отметим, что в отдельных случаях в нашей работе мы также принимаем во внимание не только устойчивые обороты, восходящие к Священному Писанию, но и библеизмы (более широкое понятие, объединяющее не только выражения и фразы, восходящие к Библии, но и отдельные слова)¹¹.

Предметом данного исследования являются пути развития русской и английской библейской фразеологии, лингвистическая содержательность источников библейских фразеологизмов, особенности перевода данных языковых единиц на английский, церковнославянский и русский языки.

Актуальность данного исследования состоит в изучении формирования системы русских и английских ветхозаветных фразеологизмов в сопоставительном и источниковедческом аспектах в диахроническом плане, а также разработке вопросов источниковедения применительно к их лингвистическому анализу.

---

¹⁰ Бетехтина, Е.Н. Фразеологические библеизмы с ономастическим компонентом в современном русском языке / Е.Н. Бетехтина. – СПб, 1995.

¹¹ Верещагин, Е.М. Библейская стихия русского языка / Е.М. Верещагин //Русская речь. – 1993. - № 1. – С. 90-98.

Целью данного исследования является сравнительный анализ русских и английских ветхозаветных фразеологизмов в источниках и изучение лингвистической содержательности данных источников.

Вследствие этого в данной работе решаются следующие **задачи**:

- выявить и объяснить сходства и различия в составе корпусов ветхозаветных фразеологизмов в сопоставляемых языках путём анализа количественного соотношения библейских выражений, восходящих к разным книгам Ветхого Завета;

- описать и проанализировать использование русских ветхозаветных фразеологизмов в школьных рождественских драмах конца XVII – начала XVIII вв., в произведениях древнерусских авторов второй половины XVI-XVII вв. и русских поэтов XVIII в., а также английских ветхозаветных устойчивых выражений в средневековых мистериях XV в. и пьесах английских писателей конца XVI в. – первой четверти XVII в. К. Марло и У. Шекспира;

- выявить и объяснить случаи вариативности формы ветхозаветных фразеологизмов в указанных источниках через обращение к более ранним текстам на церковнославянском, древнерусском, латинском и английском языках.

- сопоставить особенности перевода ветхозаветных оборотов с языков-источников на русский (церковнославянский) и английский языки;

- определить значимость рассматриваемых в работе источников в процессе закрепления и распространения ветхозаветных фразеологических единиц в русском и английском языках;

Для решения указанных задач в данной работе были использованы следующие **методы**: сравнительно-исторический, этимологический, сопоставительный, описательно-аналитический и статистический.

Материалы исследования были собраны при анализе примеров использования ветхозаветных фразеологизмов в указанных источниках, а также путём сплошной выборки из Оксфордского словаря идиоматических выражений (Oxford Dictionary of Phrase and Fable), Словаря цитат (Chambers

dictionary of quotations), англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина, русско-английского фразеологического словаря С.И. Лубенской, англо-русского словаря библеизмов М.А. Загота, Краткого словаря библейских фразеологизмов Л.Г. Кочедыкова и Л.В. Жильцова, Энциклопедического словаря библейской фразеологии К.Н. Дубровиной.

Новизну данного исследования определяет сопоставительное изучение ветхозаветной фразеологии в русском и английском языках с позиции источниковедения. В работе анализируются источники, ранее не привлекавшиеся для описания истории библейской фразеологии – английские средневековые мистерии XV в. и русские рождественские драмы конца XVII в. – начала XVIII в. Более того, достаточно изученные произведения У. Шекспира и К. Марло, а также русских поэтов XVIII в. рассматриваются в работе с точки зрения их значимости в процессе распространения и закрепления ветхозаветных фразеологических единиц в английском и русском языках, а также особенностей употребления данного языкового материала в них, что ранее проводилось лишь фрагментарно.

Теоретическую значимость работы определяет описание и изучение истории английских и русских ветхозаветных фразеологизмов в сопоставительном и источниковедческом аспектах, что позволяет внести вклад в разработку актуальных вопросов исторической фразеологии и лингвистического источниковедения.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования результатов исследования в практике лексикографирования, учебных пособиях по истории библейской фразеологии русского и английского языков, а также в курсах по лексикологии и фразеологии русского и английского языков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Количественный состав ветхозаветных библеизмов в русском и английском языках находится в прямой зависимости от содержания богослужебных книг (в частности церковнославянского Паримейника и

английской Книги общих молитв), а также переводческой традиции Священного Писания на церковнославянский и английский языки.

2. Ветхозаветные обороты возникали в рассматриваемых языках независимо друг от друга, о чём свидетельствуют наличие безэквивалентных ветхозаветных библеизмов в русском и английском языках, а также выявление несовпадений в структурном и семантическом планах в русских и английских выражениях, восходящих к одним и тем же ветхозаветным эпизодам.

3. Церковнославянский перевод ветхозаветных выражений ориентирован на древнегреческий текст, тогда как английский (в большинстве случаев) – находится в соответствии с древнееврейским источником и латинской Вульгатой (ветхозаветная часть которой также была переведена с древнееврейского).

4. Рассмотренные источники в русском и английском языках, а именно – английские мистериальные циклы XV века, пьесы У. Шекспира, среднерусские тексты второй половины XVI-XVII вв., русские школьные драмы XVII-XVIII вв. и произведения поэтов XVIII в., оказывают значительное воздействие на распространение и закрепление библейской фразеологии в данных языках.

5. Неавторская драматическая традиция (английские мистерии и школьные драмы) влияет на формирование отдельных ветхозаветных фразеологизмов в сопоставляемых языках.

6. Использование ветхозаветных фразеологизмов в русских школьных драмах и английских мистериях характеризуется обусловленностью выбора языковых средств тематикой произведений, а также вариативностью формы русских и английских ветхозаветных оборотов.

7. Варьирование плана выражения русских библейских фразеологизмов в школьных драмах XVII-XVIII вв. определяет существование нескольких форм одних и тех же оборотов в пределах самой церковнославянской рукописной традиции XI-XVII вв., что обычно обусловлено контаминацией собственно библейской и святоотеческой традиций. Различия в структуре английских ветхозаветных библеизмов являются следствием неоднородности перевода

латинских фраз на английский язык в мистериальных циклах XV в. и отсутствием английского перевода Библии, признанного и используемого английской церковью в данный период времени.

8. Активное использование в среднерусских текстах цитат из Священного Писания и библеизмов определяется предшествующей церковнославянской традицией, которая усваивает идеи антиохийской богословской школы (буквальное истолкование Священного Писания и цитирование библейского текста в целях украшения речи и подтверждения автором своих мыслей). В то же время отмечены случаи, где указание на определенный библейский источник сигнализирует о желании авторов осмыслить описываемые события в контексте библейской истории (применение прообразовательного (типологического) принципа истолкования Библии).

9. В славянских и английских источниках активно употребляются такие ветхозаветные обороты, которые неоднократно встречаются на страницах первой части Библии или цитируются в Новом Завете, а также традиционно соотносимые с Новым Заветом, но имеющие ветхозаветный источник. В то же время свободное видоизменение фразеологических единиц, их контаминация, расширение значения оборотов и создание авторских выражений на основе ветхозаветных сюжетов впервые отмечается у У. Шекспира. Данные особенности в славянской традиции активно будут проявляться только у авторов XVIII в., в первую очередь в поэзии (В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин и др.), т.к. создание поэтического текста требует бóльшей свободы в обращении с библейским материалом. Также с XVIII в. происходит обогащение значений русских выражений посредством заимствования из европейских языков.

Апробация. Основные положения диссертации были апробированы в период с 2011 по 2013 гг. и отражены в докладах и выступлениях на научных конференциях (Ломоносовские чтения МГУ, международные конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси VII» (г. Москва), «Проблемы

поэтики и стиховедения VI» и «Русское языкознание: теория и лингводидактика» (КазНПУ г. Алматы Казахстан).

По теме диссертационного исследования опубликовано 6 работ общим объёмом 2,3 п.л., из них 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключение, Библиографии и алфавитного указателя русских и английских ветхозаветных фразеологизмов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна данной работы, ее практическая и теоретическая значимость, даётся описание научных трудов, составляющих теоретическую базу данной диссертации, указываются цели и задачи исследования, изучаемый материал и применяемые при его анализе методы, а также приводятся данные апробации работы.

В **главе I «История изучения Священного Писания и библейской фразеологии»** даётся краткий обзор основных рукописных источников Священного Писания, описывается структура Ветхого и Нового Заветов, рассматривается история переводов Библии на церковнославянский и английский языки (1 параграф). Во 2 параграфе данной главы освещается история источниковедения библейской фразеологии, при этом особое внимание уделяется описанию и анализу работ, являющихся научной базой исследования (труды Е.Н. Бетехтиной, А.К. Бириха и Й. Матешича, А.В. Григорьева). В 3 параграфе первой главы рассматриваются вопросы изучения фразеологических единиц в аспектах межъязыкового сопоставления и контекстуального употребления в источниках, описываются основные типы межъязыковых фразеологических отношений, а также виды контекстуальной трансформации фразеологических единиц (на основе работ Е.Ф. Арсентьевой, А.В. Кунина, Э.М. Солодухо, А.С. Начисчионе, Ю.Я. Киссел и др.).

На основе рассмотренного теоретического материала в главе 1 определяются главные источники библейской лексики и фразеологии на славянской почве – богослужебные (Паремейник, Минеи, Триодь и т. д.), четьи и толковые библейские тексты XI–XVI вв., славянские переводные и оригинальные экзегетические сочинения, а также иные источники, такие как Хронограф, Азбуковники, школьные драмы Киевской Духовной Академии и Московской славяно-греко-латинской академии (XVII – начало XVIII вв.)

К основными источникам библейской фразеологии в английском языке отнесены переложения X–XVI вв., созданные на основе библейских сюжетов (англосаксонские поэмы, библейские переводы Эльфрика, ветхозаветные переложения среднеанглийского периода, средневековые мистериальные циклы); собственно переводы Священного Писания VIII–XVII вв. (глоссы к тексту Псалтири, Парижская Псалтирь, переводы Уиклифа, Тиндейла, Библии Кавердейла, Мэтью, Большая, Женевская и Епископская Библии, Библия Короля Иакова), а также основная богослужебная книга англиканской церкви – Книга общих молитв (Book of Common Prayer).

Наряду с указанными источниками представляется необходимым принимать во внимание традицию переводов Священного Писания на рассматриваемые языки, обращаясь к древнееврейским и древнегреческим текстам–оригиналам, а также латинской Вульгате (для английских библеизмов).

В главе II «Сравнительный анализ русских и английских ветхозаветных фразеологизмов в источниках» рассматривается и анализируется влияние различных текстов–источников на формирование корпуса ветхозаветной фразеологии в русском и английском языках, а также их влияние на формирование, закрепление и распространение отдельных ветхозаветных устойчивых выражений в рассматриваемых языках.

В ходе сбора фактического материала из текстов английских мистерий XIV – XV вв., русских школьных драм XVII–XVIII вв., пьес У. Шекспира и К.Марло, сочинениях русских авторов XV–XVIII вв. (переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского, житие протопопа Аввакума, произведения В.К.

Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина и др.), а также одноязычных и двуязычных фразеологических словарей русского и английского языков нами было собрано 224 русских библеизма и 319 английских.

В параграфе 1 представлена сводная таблица количественного соотношения ветхозаветных русских и английских библеизмов из наиболее продуктивных ветхозаветных книг – источников:

Название ветхозаветной книги/раздела	Количество библеизмов в русском языке	Количество библеизмов в английском языке
1. Пятикнижие Моисея, в том числе:	45%	32%
1.1. Бытие	26%	18%
1.2. Исход	13%	10%
2. Псалтирь	18%	14%
3. Екклесиаст	6%	9%
4. Иов	6%	8%
5. Книга Исаии	6%	8%
6. Остальные книги	< 6%	< 6%

Мы полагаем, что количество выражений, восходящих к той или иной ветхозаветной книге обусловлено объёмом её использования в богослужебных текстах, переводных и оригинальных толковых и экзегетических сочинениях, литературных произведениях, а также многовековой традицией её перевода на церковнославянский и английский языки.

Как мы можем видеть, преобладающее количество выражений в обоих языках составляют обороты из Пятикнижия Моисея. Первые пять книг Ветхого Завета открывают Священное Писание, повествуют об истоках вселенной и человечества и излагают Закон Божий, этим определяется их безусловная значимость для верующих. Именно с перевода Пятикнижия начинается своя просветительскую работу в начале XI в. аббат Эльфрик, один из самых первых переводчиков библейского текста на английский язык. Дошедшие до наших дней церковнославянские рукописи, содержащие отрывки (паремии) из

ветхозаветных книг, необходимых для богослужения, относятся к XII-XIII вв. – Григоровичев и Захарьинский списки. Учитывая необходимость Паримейника для проведения вечерних праздничных служб, он мог быть переведён, как считают некоторые исследователи, в самом начале переводческой деятельности Кирилла и Мефодия [Алексеев 1999: 100]. Таким образом, на первоначальном этапе мог быть осуществлён перевод избранных мест из Ветхого Завета (необходимых для богослужения), а уже в дальнейшем, как считает большинство современных исследователей, Мефодий выполняет перевод основной части Ветхого Завет [Хабургаев 1994: 80].

Отметим, что примерно 40% текста Книг Бытия и Исаии (представленных в нашей таблице) прочитываются во время православного богослужения в виде паремий Великого поста, паремий на великие и средние праздники и Песен Священного Писания. При этом 70 % собранных нами фразеологизмов, восходящих к Книге Бытие, в паремиях представлены.

Для сравнения с паримейными чтениями обратимся к последованию воскресных и праздничных, а также будничных служб, отражённых в английской *The Book of Common Prayer* – Книге общих молитв (основной богослужебной книге англиканства с середины XVI в.). В наиболее максимальном объёме вновь представлены Книга Пророка Исаии и Бытие (обе около 50 %).¹² При этом 80 % собранных нами выражений, восходящих к Книге Бытие, и 70 % оборотов из Книги Исаии в читаемых во время служб отрывках представлены.

Итак, количественный состав русских и английских библеизмов, восходящих к Ветхому Завету, обусловлен содержанием богослужебных книг (в частности церковнославянского Паримейника и английской Книги общих молитв), которые прочитывались во время служб, что способствовало закреплению и распространению ветхозаветных выражений в указанных языках.

---

¹² The Book of Common Prayer <http://www.churchofengland.org/prayer-worship/worship/book-of-common-prayer.aspx>

Обращаясь к количественной разнице между русскими и английскими фразеологизмами, восходящими к одним и тем же книгам Ветхого Завета, отметим, что мы зафиксировали в два раза больше английских библеизмов, восходящих к Книгам Царств (1-4), чем русских, что может быть обусловлено тем фактом, что в Паримейнике мы обнаруживаем только 7 паремий из Книг Царств, тогда как в состав служб англиканской церкви входит 78 % общего текста данных книг, при этом подавляющее большинство собранных нами выражений восходит к читаемым во время богослужения текстам.

Объём библеизмов из книги Пророка Иеремии в английском языке в четыре раза превышает объём в русском, что объясняется тем, что большая половина данной книги была переведена на церковнославянский язык только в XV в. (для Геннадиевской Библии) и соответственно была неизвестна славянской рукописной традиции (XI-XIV вв.), тогда как первая печатная английская Библия (Майлса Кавердейла) и первый английский перевод Священного Писания, одобренный королевской властью, Библия Мэтью, созданные в первой трети XVI в. (примерно за 10 лет до указа о проведении литургии на английском языке), данную книгу уже включали полностью. При этом, говоря о Книге Пророка Иеремии, нельзя не отметить неравнозначное использование её в богослужении рассматриваемых конфессий (9 паремий в православной церковной службе и более 30 % текста всей книги в англиканской (к которому восходят практически все собранные нами английские библеизмы из данной книги)).

Сопоставление состава корпусов ветхозаветной фразеологии в русском и английском языках позволили выявить полные эквиваленты (**кость ꙗко костей моихъ, и плоть ꙗко плоти моея** / bone of my bones, flesh of my flesh; **древо жизни, древо животное** / tree of life; **въ потѣ лица (снѣси хлѣвъ твой)** / In the sweat of your (thy) face (by the sweat of your (thy) brow) и т.д.), частичные эквиваленты (**не добро быти человекъ единомъ** / It is not good that the man should be alone; **земля еси, и въ землю ꙗвидеши** / dust you are (and to dust you will return)/dust thou art (and unto dust shalt thou return); **еда стражъ братъ**

МОЕМЪ ЕСМЪ АЗЪ / Am I my brother's keeper? и т.д.), полные аналоги (*How long halt you between two opinions / ДОКОЛЪ ВЫ ХРАМЛЕТЕ НА ОБЪ ПЛЕСНЪ (ВАШЕЮ) (хромать на обе ноги/колена)*), а также случаи лакунарности на уровне ветхозаветных фразеологизмов (Everyone that was discontented (дословно – *все огорчѣнные духом* (1 Царств 22:2), значение – *бедствующиe и страждущиe*); *passing the love of women (превыше любви женской* – слова Давида о его чувстве к лучшему другу Ионафану (2 Царств 1:26), функционирует в английском языке в значении – *настоящая мужская дружба*) и т.д.)

При рассмотрении истории ветхозаветных оборотов было установлено, что английские переводчики в большинстве случаев придерживаются древнееврейского источника, в то время, как в основе русских выражений – текст древнегреческой Септуагинты (ЗЕМЛА ЕСИ, И ВЪ ЗЕМЛЮ ѠИДЕШИ / dust you are (and to dust you will return), ДРЪВО ЕЖЕ ВЪДЪТИ РАЗЪМЪТЕЛЬНОЕ ДОБРАГО И ЛЪКАВАГО / tree of knowledge of good and evil, РАСТИТЕСА И МНОЖИТЕСА / be fruitful and multiply, *How long halt you between two opinions / ДОКОЛЪ ВЫ ХРАМЛЕТЕ НА ОБЪ ПЛЕСНЪ (ВАШЕЮ) (хромать на обе ноги/колена)*).

Наличие безэквивалентных ветхозаветных библеизмов, а также выявление несовпадений в структурном и/или семантическом планах в русских и английских выражениях, восходящих к одним и тем же ветхозаветным эпизодам свидетельствуют о том, что данные обороты возникали в рассматриваемых языках независимо друг от друга.

После описания и анализа соотношения русских и английских библеизмов по книгам Ветхого Завета, мы переходим к изучению русских и английских источников ветхозаветной фразеологии XV-XVIII вв.

Рассмотрение источников мы начинаем с хронологически наиболее раннего – английских средневековых мистерий XV в. Йоркского, Честерского и Уэкфилдского циклов (**параграф 2**).

Существенным отличием многовекового процесса формирования английского библейского текста от славянского является тот факт, что жанр переложения и перевода-адаптации библейских книг предшествует собственно

переводу в английском языке (англосаксонские поэмы на основе книг Бытие, Исход, Даниил, Иудифь (VIII-XI вв.); Парижская Псалтирь, переводы монаха Эльфрика, включающие его собственные размышления (конец X в. - начало XI в.); переложения первых двух ветхозаветных книг в среднеанглийский период (XIII в.), мистериальные циклы (XIV-XVII вв.). Это характерная особенность, наряду с проведением богослужения на латинском языке вплоть до середины XVI в., обусловили то, что основной корпус английской библейской лексики и фразеологии возводится к переводам XVI-XVII вв. (в особенности Библии Короля Иакова). Тогда как значительное количество устойчивых выражений на церковнославянской почве получает распространение в период с XI-XIV вв., когда не существовало полного свода библейских книг.

Анализируя первые попытки перевода устойчивых ветхозаветных выражений с латинского языка на английский, осуществлённые авторами средневековых мистерий, мы обращаем внимание, что некоторые из них переводу не подвергаются, а используются в английском тексте на латыни (*Ego sum Alpha et O* (Я есть альфа и омега); *Ego sum qui sum* (Я есть суций)). Эта особенность может быть обусловлена фактом проведения богослужения на латинском языке в период создания мистерий. Данная характеристика отличает корпус английских библеизмов от русских, ведь в церковнославянской рукописной традиции не наблюдалась тенденция приводить целые фразы на языках текстов-источников (древнееврейском и древнегреческом) вследствие того, что богослужение на Руси изначально проводилось на церковнославянском языке.

Авторы английских мистерий положили начало процессу формирования многих выражений в английском языке (заповеди Моисея, обороты *bone of my bone, flesh of my flesh, one flesh* (одна/единая плоть), *Am I my brother's keeper?* (Что я сторож брату моему?), *be fruitful and multiply, in the sweat of your (thy) face (by the sweat of your (thy) brow)* (в поте лица), *in our image, after our likeness* (по образу и подобию) и т.д.)

Форма очень незначительного количества ветхозаветных выражений, представленных в разных мистериальных циклах, оказывается одинаковой, при этом также совпадая с формой, закрепившейся в английском языке благодаря полным переводам Библии, прежде всего Библии Короля Иакова¹³ (например, “*bone of my bone, flesh of my flesh*” (кость от кости моей, плоть от плоти моей).

Однако в подавляющем большинстве случаев разные циклы представляют различную интерпретацию текста Вульгаты.

Так, перевод латинского “*Crescite et multiplicamini*” (Бытие 1:28, 8:17) (*плодитесь и размножайтесь*) мы обнаруживаем в тексте нескольких мистерий: “*And multiply your seed shall ye*”¹⁴ (Йоркский цикл “*The Flood*”) (*умножьте своё семя (потомство)*); “*Grow and multiply also shall ye*” (Честерский цикл “*The Creation of Man: Adam and Eve*”) (*растите и умножайтесь*); “*You shall now grow and multiply*” (Честерский цикл “*Noah’s Deluge*”).¹⁵

Заметим, что именно в виде *grow and multiply* данный оборот появится и в переводе Тиндейла XVI в. В Библии Уиклифа данное высказывание выглядит следующим образом – «*Encreesse ye, and be ye multiplied, and fille ye the erthe*» (*возрастайте (увеличивайтесь) вы и будьте умножены, и заполните вы землю*). Таким образом, латинское *crescite* (*cresco* – расти, прибавляться) у Уиклифа переведено как *increase* – возрастать, увеличиваться, а в мистериях – синонимичным ему *grow* (расти, увеличиваться).

Отметим, что закрепившаяся в английском языке форма данного оборота “*be fruitful and multiply*”, обусловлена древнееврейским источником, в котором используется глагол “*parah*” со значением “*bear fruit, be fruitful, make fruitful*”¹⁶ (приносить плоды, быть плодовитым, делать плодородным). Впервые в данной форме оборот предстаёт в Епископской Библии (1571 г.) в стихе 1:28, а в Библии Короля Якова (1611 г.) уже в обоих стихах – 1:28 и 8:17. Отметим, что перевод данного выражения в Женевской Библии (1560 г.) выглядел как *bring*

¹³ Chambers dictionary of quotations; Ed. U. McGovern. – Edinburgh, 2005. – С. 85-89.

¹⁴ York mystery plays: a selection in modern spelling / R. Beadle, P. M King. – Oxford, 1984. – С. 32.

¹⁵ Hussey, M. The Chester Mystery Plays / M. Hussey. – 1957. – С. 13, С. 33.

¹⁶ Whitaker, R. Revised BDB Hebrew-English Lexicon / R. Whitaker. – Philadelphia, 1995.

fruite (приносить плоды), что также соотносится с древнееврейским текстом. В греческом же тексте употреблены глаголы αυξάνω (увеличиваться, возрастать, расти) и πληθύνω (увеличиваться, умножаться)¹⁷, что в свою очередь обусловило форму церковнославянского оборота **раститєса и мнжитєса**.

Заметим также, что компоненты библеизмов, не представленных в тексте Библии, (*Flood* (потоп) из *Noah's Flood* (Ноев потоп) и *plagues* (казни) из *plagues of Egypt* (казни египетские) уже используются в произведениях первых английских драматургов.

Учитывая тот факт, что после Библии, именно пьесы Шекспира являются наиболее значимым источником английских устойчивых выражений¹⁸, мы решили рассмотреть его драматические произведения на вопрос особенностей употребления в них ветхозаветных оборотов.

Заметим, что для драматурга характерны значительная свобода во владении библейским материалом и выраженная тенденция к окказиональному употреблению библейской фразеологии. Так, подавляющее большинство обнаруженных нами оборотов в пьесах Кристофера Марло, предшественника Уильяма Шекспира, фактически являются цитатами из Священного Писания (*apple of mine eye* (зеница ока – Второзаконие 32:10, Притчи 7:2 и т.д.), *woe is me* (горе мне – Иов 10:15, Исаия 6:5, Михей 7:1 и т.д.), *blood upon one's head* ('быть виновным в чьей-либо гибели'), *increase and multiply* и т.д.) Целые латинские изречения из Вульгаты использованы в пьесе «Трагическая история доктора Фауста». В пьесах Шекспира мы обнаружили значительное количество окказионального использования библеизмов. Среди обилия различных типов трансформации преобладающим оказывается самый сложный – контаминация (в том числе ветхозаветных и новозаветных выражений, а также оборотов библейского и небиблейского происхождения). Важно добавить, что автор активно расширяет значения библейских выражений в контексте индивидуально-авторского употребления, а также создаёт свои собственные

¹⁷ Вейсман, А.Д. Греческо-русский словарь. Репринтное воспроизведение издания 1899 г. / А.Д. Вейсман. – М., 2006. – С. 221, С. 1010.

¹⁸ Smith, L.P. Words and idioms. Studies in the English language / L.P. Smith. – London, 1948. – С. 227.

фразеологические единицы на основе сюжетов Священного Писания (выражение *Daniel come to judgment*, закрепившееся в английском языке в значении ‘wise judge’ – ‘мудрый судья’¹⁹ (драма «Венецианский купец»).

Пример авторского «слияния» фразеологизмов *to wash one's hands* (умывать руки) и *have blood on one's hands* (иметь кровь на руках) обнаружен нами в пьесе «Ричард II» (акт V, сцена 6), во фразе мучающегося от угрызений совести Болингброка – «I'll make a voyage to the Holy Land, *to wash this blood off from my guilty hand*»²⁰ («Сей тяжкий грех я на себя приемлю, смыть кровь отправлюсь я в святую землю»²¹).

Фразеологизм *to wash one's hands* обычно соотносят с новозаветным текстом. В качестве свободного сочетания данный оборот действительно встречается в Евангелии от Матфея (27:24), когда Пилат прилюдно умывает руки, говоря: «I am innocent of the blood of this just man; look you to it» («невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы»). Однако то, что совершает Пилат перед толпой, фактически представляет собой обряд омовения рук, представленный в Ветхом Завете во Второзаконии (21:6-7), который предписывался для совершения, если убийца человека был неизвестен, тогда старейшины города и священники должны были омыть руки свои над головою убитого в крови заколотой телицы со словами «руки наши не пролили крови этой, и глаза наши не видели». Безусловно, выполнение омовения в эпизоде Нового Завета приобретает явный символический оттенок, Пилат снимает с себя ответственность за судьбу Иисуса.

Сочетание *have blood on one's hands* («быть виновным в чьей-либо гибели») восходит к Книге Иезекииль (23:37)²². Также мы не исключаем влияние неоднократно появляющегося в тексте Ветхого Завета оборота *have blood on/upon one's head*, также имеющего данное значение (2 Книга Царств 1:16). Поэтому фразеологизм функционирует в английском языке в двух вариантах *have blood on one's head/hands*.

¹⁹ Oxford Dictionary of Phrase and Fable. – Oxford, 2000. – С. 272.

²⁰ Shakespeare, W. The complete works / William Shakespeare. – New York, 1948. – 1227 p. – С. 326.

²¹ Шекспир, В. Исторические хроники / Вильям Шекспир. – М., 1987. – С. 122.

²² О языческом обряде жертвоприношении людей идолам.

Таким образом, в пьесе «Ричард II» мы видим сложный случай авторского соединения библеизмов: новозаветного оборота с ветхозаветной основой *to wash one's hands* и двух ветхозаветных *blood on one's hands* и *have blood on one's head*.

В параграфе 4 выявляются и исследуются особенности использования библеизмов в среднерусских источниках – переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского (вторая половина XVI в.), а также в более позднем произведении – «Житии» протопопа Аввакума (вторая половина XVII в.). Общей для данных текстов является тенденция к индивидуализации авторского сознания и определённой свободе в обращении с языковым материалом.

В данных сочинениях находит отражение традиция средневековой русской литературы прибегать к образному языку Священного Писания для авторитетного подкрепления своих мыслей, восходящая к принципам антиохийской богословской школы (основанным на буквальном истолковании Священного Писания и цитировании библейского текста в целях украшения речи и подтверждения своих идей). Более того, насыщенность контекста цитатами из Священного Писания и библеизмами, которые буквально нанизываются друг на друга, подчиняясь общей идеи повествования, также обусловлены данной традицией. Указание источника («по пророку, глаголющему», «реченное во Иове» и т. д.) сигнализируют о желании авторов осмыслить описываемые события в контексте библейской истории (влияние прообразовательного принципа – установление связи между ветхозаветными и новозаветными событиями при помощи личности Христа) и, как уже отмечалось, подтвердить свои рассуждения авторитетным источником.

В данных текстах мы обнаружили немногочисленные случаи замены компонента выражения, инверсии, аллюзии, переложения библейского фрагмента (переложение Аввакумом отрывка из Песни Песней (4) в молитве «Хвала о церкви»), что является движением в сторону более свободного использования библеизмов.

Так в первом послании Ивана Грозного Курбскому автор искусно соединяет в одном предложении три ветхозаветных отрывка, подчиняя их единой цели – обличить своего оппонента в неискренности: «И понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено меда и сота, по твоему разуму, горчайши же пельни обретающесе, по пророку, глаголющему: «Умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы»²³.

В данном отрывке использованы достаточно точные цитаты из Псалтири (54:22): «**Умякнуша словеса ихъ паче ольѣа: И та сътъ стрѣлы**»²⁴, и (139:4): «**адъ аспиденъ под оустнами ихъ**» [Острожская Библия], отражающие негативную характеристику речи, как в ветхозаветном тексте, так и в послании Ивана Грозного.

В рассматриваемом фрагменте мы также находим аллюзию к фразе из Песни Песней (4:11): «**сотъ искапаютъ оустнѣ твои**» [Острожская Библия] – «под устнами своими, наполнено меда и сота», которая выражает положительную оценку в исходном тексте, однако в послании приобретает противоположное значение, что свидетельствует о нарушении автором стилистической дистрибуции.

Таким образом, в рассмотренных текстах второй половины XVI-XVII вв. большинство выражений предстаёт в виде достаточно точных цитат, однако в данных произведениях намечается тенденция к более свободному употреблению библейского языкового материала.

Обращаясь к английской литературе соответствующего периода, мы можем сделать вывод, что в текстах У. Шекспира и К. Марло использование библейских выражений выглядит более органичным и естественным, и в большинстве случаев библеизмы «выделяются» исключительно благодаря наличию в самих оборотах библейских имён собственных – Адам, Ной, Иов и т.д., а также знанию читателем определённых эпизодов Священного Писания.

²³Иван IV; царь (1530-1584): Переписка Ивана грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. – М., 1993. – 429 с. – С. 54.

²⁴ Синайская Псалтырь (глаголический памятник XI в.). Подготовил к печати Сергей Северьянов. СПб., 1922. – С. 80.

Тогда как в среднерусских произведениях библеизмы в большинстве случаев представлены с указанием источника («по премудрому Соломону», «речи, пророком и апостолом реченные» и т.д.) т.е. авторы более чётко ощущают границу между своим и чужим словом, а также, как было указано ранее, следуют традициям византийского богословия. Также мы не можем не принимать во внимание культурно-исторические особенности в развитии английской и русской литературы.

В параграфе 5 рассмотрены особенности употребления ветхозаветных фразеологизмов в драматургических произведениях Киевской Духовной Академии и Московской славяно-греко-латинской академии конца XVII – первой половины XVIII вв., а также школьных драмах из московского рукописного сборника XVIII в.

Данные постановки создавались на основе содержания Книг Библии с целью доступного изложения христианских доктрин и включали в себя ряд восходящих к ним выражений. Употребление библеизмов в данных произведениях чётко детерминировано практическими задачами драм и обусловлено естественной потребностью и стремлением авторов применять образный язык Священного Писания для наиболее яркого и аргументированного представления религиозных идей.

Обращаясь к сопоставлению особенностей употребления ветхозаветной фразеологии в английских мистериях и русских школьных драмах, необходимо отметить такое сходство, как обусловленность выбора языковых средств тематикой произведений. Преобладающее количество собранных нами выражений в обоих языках относятся к первым ветхозаветным книгам – Бытие и Исход, ставших основными источниками сюжетов для русских и английских драматических произведений.

Следующим сходством является вариативность формы русских и английских ветхозаветных фразеологизмов. Однако различия в плане выражения английских ветхозаветных библеизмов вызвано неоднородностью перевода латинских фраз на английский язык в мистерияльных циклах и

отсутствием английского перевода Библии, признанного и используемого английской церковью в данный период времени. Варьирование плана выражения некоторых русских ветхозаветных фразеологизмов в свою очередь находится в зависимости от существования нескольких форм одних и тех же оборотов в пределах самого церковнославянского библейского текста (например, «От древа премудрости плода не яси...»²⁵ - «**ДРЕВО ЕЖЕ ВИДѢТИ РАЗУМНОЕ ДОБРУ И ЗЛУ**», «**Ѡ ДРѢВА ЕЖЕ РАЗУМѢВАТИ И ДОБРО И ЗЛО**» [Пятикнижие Моисея XIV в.: 2], «**ДРЕВО ЕЖЕ ВѢДѢТИ РАЗУМНО ДОБРУ И ЛУКАВУ**» [Острожская Библия]) и в богослужебной и толковой литературе (в «Слове Кирилла Туровского о слепце и хромце» - **дрѣво бо разумѣниа зла и добра**, в «Вопросах Анастасия Синаита» (Изборник Святослава 1073 г.) - **дрѣво...вѣдѣти добро и зъла**, в Палее Толковой - **древо разумно есть еже вѣдѣти добро и зло** и т. д. [Григорьев 2009: 404], также обусловлено развитием идей из Книги Бытия в более поздних библейских книгах (так, выражение *древо премудрости*²⁶ восходит к ветхозаветной книге Притчей, где премудрость сравнивается с деревом жизни – **дрѣво животное**²⁷, т.о. в школьной пьесе происходит контаминация двух образов (дерева познания добра и зла и дерева жизни), видимо, на почве значения слова *премудрость* т. е. обладание большим умом, высшим знанием, опытом). Не исключено и влияние византийской толковой литературы. Так, в сборнике Маргарит XV в. древо познания добра и зла носит следующее название – **древо разоумное** [Маргарит: 313]

Отметим, что компонентный состав некоторых выражений – *неопалимая купина*, *казни египетские*, а также переносное значение других – *Содом и Гоморра* окончательно формируются только в XVIII в., и школьные драмы, в которых употреблены данные обороты или же их компоненты, также оказали влияние на данный процесс.

²⁵ «Царство Натуры людской» [Резанов 1907-1909: 131]

²⁶ «Горжество Естества челоѳческаго» [Резанов 1907-1909: 39]

²⁷ Лопухин, А.П. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов: в 12 томах / А.П. Лопухин. – М., 2011. Т. 4. – С. 324.

Широкое употребление библеизмов вне библейского контекста в русском языке связано с творчеством русских поэтов XVIII в. (В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, М.М. Хераскова и И.Ф. Богдановича). Данный вопрос рассмотрен в **параграфе 6**.

В произведениях поэтов XVIII в. ветхозаветные библеизмы употребляются не только в тех случаях, когда тема обуславливает выбор языковых средств, как, например, в переложениях Псалтири и духовных одах, но и в стихотворениях и пьесах светского и исторического содержания. При этом использование ветхозаветных фразеологизмов в поэзии авторов XVIII в. характеризуется гораздо бóльшим количеством примеров окказионального употребления библейских фразеологизмов (по сравнению с рассмотренными среднерусскими текстами XVI-XVII вв. и школьными пьесами), что свидетельствует о творческой свободе поэтов в работе с хорошо известным библейским материалом. Наиболее распространёнными видами авторской трансформации являются парафраз, замена компонента и введение нового. Именно следование традициям жанра переложения Псалтири приводит к созданию парафраз на страницах духовных произведений. При этом отметим, что трансформации на уровне компонентного состава часто вызваны необходимостью соблюдения рифмы и благозвучия в стихотворных произведениях. Более того отметим случай обогащения значения русского оборота посредством заимствования из французского языка (*курить/кадить фильям*).

Пример контаминации двух библеизмов – ветхозаветного *прах земной* и новозаветного *отрясать прах от ног своих* обнаружен нами в стихотворении Г.Р. Державина «Урна»: «И *отрясая прах земной*, / Войди в нетленную обитель, / И с высоты ея святой / Воззри на дол твой смертный, слезный...»²⁸

Ветхозаветный фразеологизм *прах земной* ('о человеке как существе тленном, ничтожном') восходит к тексту Второй Книги Царств (22:43): «**וַיֵּאָמֶר כַּכֵּן כָּל בְּנֵי אָדָם כַּפְּרָיִם**» [Острожская Библия]. Оборот *отрясать прах от ног*

²⁸ Державин, Г.Р. Сочинения / Гавриил Романович Державин. – СПб, 2003. – С. 259.

своих ('навсегда порвать с кем-л., с чем-л.').) появляется в Новом Завете в Евангелии от Матфея (10:14): «**Ўтрасѣте прахъ ногъ вашихъ**» [Острожская Библия], в Евангелии от Марка (6:11) и т.д. Заметим, что не только форма, но и смысл фразы Державина *отрясая прах земной* соединяет в себе внутреннее содержание обоих выражений (ветхозаветного и новозаветного) – поэт пишет о том, как человек после смерти порывает с земным тленным существованием и переходит в жизнь вечную.

Важно отметить, что исследуя историю библейских фразеологизмов необходимо рассматривать тексты-источники в совокупности, анализируя взаимовлияние разных традиций и путей проникновения данных выражений в язык. В **параграфе 7** предпринята попытка подобного анализа на примере истории выражений с компонентом *пещь*.

Образ печи в тексте Священного Писания является ключевым для понимания и толкования эпизодов, в которых он встречается. Его ветхозаветное значение сопряжено с амбивалентными функциями стихии огня в Ветхом Завете – с одной стороны разрушением и уничтожением, с другой – очищением и идеей божественной справедливости.

Было выявлено, что в церковнославянской рукописной традиции слово *пещь* используется для обозначения воздаяния и Божьей ярости (Пс. 20:10 (с прилагательным **огненна**), Иез. 22:20, Исаия 48:10, Малахия 4:1-2), а в дальнейшем и ада (Матф. 13:41-42 – с прилагательным **огненна**), для символического обозначения испытаний для праведных (Малахия 4:1-2, Даниил 3:15 (**пещь огнемъ палатца**), Минея сент. XI в. (**въ пещи огньнѣ**), Путятина Минея XI в. и т.д.). В английском языке мы наблюдаем иную тенденцию – в английской Библии представлено 2 слова – *furnace* (печь плавильная, отопительная) и *oven* (духовка), каждое из которых употребляется и в значении наказания за грехи, и в значении испытания и проверки веры. В данном случае английские переводчики следуют за древнегреческим текстом (*κλίβανος* – духовая печь [Дворецкий 1958: 983] / *oven*, *κάμινος* – печь для обжига и плавки; кухонная печь [Дворецкий 1958: 871] / *furnace*).

На славянской почве мы выявили следующие ветхозаветные обороты с компонентом *пещь* – *пещь железная* ('тяжесть рабства, в котором томились Евреи в Египте' [Архимандрит Никифор 2012: 177]), *вавилонская пещь* / *халдейская пещь*²⁹, которые не имеют эквивалентов в английском языке. Безэквивалентным является и английский фразеологизм *be tried in a furnace* ('быть закалённым' [Кунин 1984: 302]). Отметим, что в обоих языках обнаружен оборот *пещь огненная* / *fiery furnace*.

Наш анализ показал, что идея печи как испытания для достойного человека зарождается в поздних ветхозаветных текстах (Даниил 3:15, Малахия 4:1-2), находит своё развитие в трудах богословов восточноправославной и западной традиций, однако, если в английском языке данное выражение представлено в ветхозаветной форме (из книги Даниила) и значении – *the fiery furnace* [Азаров 2004: 297], то в церковнославянском/русском языке оно предстаёт в новозаветной форме (из Матф. 13:41-42) – *ввергать в пещь огненную*, однако зачастую несёт именно ветхозаветный смысл (испытание и укрепление веры праведного) – «**ВЪ ПЕЩЬ ОГННОУ НЕИЦЪЛНЫХЪ МЧНКЪ ВЪВЪРЖЕНЪ МЧНЧЕ РОСОУ Ѡ БА ПРИАТЪ ТЪРПЪНИЕМЪ.** [Минея сент. XI в.: 48.2], или же соотносится именно с ветхозаветной историей – **мца̑ то̑ па̑ стыхъ̑ г̑ отрокъ̑ ананиа̑ азариа̑ мисаила̑ иже въ вавулонѣ̑ оугасиша пещь̑ огньнѣ̑** [Остромирово Евангелие: 246.1], «ввержень въ пещь огненну, яко три отрока» [Даль 2011] и т.д., а в некоторых источниках мы наблюдаем своеобразный сплав ветхозаветного и новозаветного значений – «**ДВЫ̑ БОМОУДРЫА̑ ХВМЪ̑ РАЧЕНИЕМЪ̑ ЖЕГОМЪ̑ НЕМОЖЕНИЕ̑ НЕСТЬСТВА̑ ЗАБЫВЪШЕ̑ И БЖНЕЮ̑ СИЛОЮ̑ ГВЪ̑ ОУКРЪПЛЯЕМЪ̑ ЛЩЕНИЕ̑ ВРАЖНЕ̑ ПОПЪРАША̑ НЕ ОУСТРАШЬШЕ̑ СѦ̑ МЧНИА̑ БОЛЪЗНИ̑ И ПЕЦИ̑ ЖЕ̑ ОГННЫ̑ НЕ БОГАЦЕ̑ СѦ̑**» [Минея окт. XI в.: 93.1]

²⁹ В тексте чина «Пещного действия», Путятиной Минее XI в. и др. указанные синонимичные обороты имеют значение 'печь, установленная по приказу вавилонского царя как орудие смертной казни для тех, кто не пожелал поклониться кумиру' (Книга пророка Даниила 3). Переносное значение формируется в русских текстах петровской эпохи – 'о раскаленном пространстве, о пекле'// Словарь русского языка XVIII в. – СПб, 1984- . – Вып. 2. – С. 195-196.

Таким образом, в церковнославянских богослужебных источниках происходит контаминация формы и значения новозаветного оборота (*ввергать в печь огненную*) со значениями ветхозаветных выражений (**печь огненна, печь огнемъ палатца**).

В Заключении подводятся итоги работы и формулируются выводы исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. Головкина, О.А. **Ветхозаветные фразеологизмы в пьесах У. Шекспира / О.А. Головкина // Вопросы филологии. – 2012. – № 3 (42). – С. 77 – 84. (0,9 п.л.).**

2. Головкина, О.А. **О казнях египетских / О.А. Головкина // Русская словесность. – 2013. – № 5. – С. 69 – 73. (0,3 п.л.).**

3. Головкина, О.А. **Библейские устойчивые выражения с компонентом «печь» в древнерусском языке / О.А. Головкина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2013. – № 4 (54). – С. 59 – 63. (0,4 п.л.).**

4. Головкина, О.А. **Влияние поэзии Г.Р. Державина на распространение и закрепление библеизмов в русском языке / О.А. Головкина // Проблемы поэтики и стиховедения: материалы VI международной научно-теоретической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения выдающегося казахского писателя, драматурга, учёного Зеина Шашкина. – 2012. – С. 179 – 182. (0,3 п.л.).**

5. Головкина, О.А. **Источниковедение библейской фразеологии как перспективное направление в лингвистике / О.А. Головкина // Русское языкознание: теория и лингводидактика: труды международной научно-теоретической конференции. – 2013. – С. 101 – 103. (0,25 п.л.).**

6. Головкина, О.А. **Ветхозаветные фразеологизмы, не представленные в Библии своим лексическим составом, в русских школьных драмах XVII-XVIII вв. / О.А. Головкина // Ломоносов: материалы международного молодёжного форума. [Электронный ресурс] – 2013. (0,15 п.л.).**